

Р. Д. МИЗИН

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Летом 1915 г. в Самаре были организованы три небольших завода военно-промышленного комитета.

Вначале я поступил кузнецом в завод-мастерскую № 1 при Жигулевском заводе, но затем с группой кузнецов и молотобойцев перешел в мастерскую № 2, которая еще только создавалась.

Вскоре сюда прибыла группа рабочих-латышей, эвакуированных из г. Риги. Среди них были кузнецы, молотобойцы, слесари, электрики и другие. Это были рослые, энергичные, знающие дело люди. Между собой они говорили на своем родном — латышском языке, а когда встречались с русскими рабочими, неплохо говорили и по-русски.

Среди рабочих-латышей особенно выделялся кузнец Симон Висксин. Он был выше среднего роста, коренастый и слегка сутуловатый с открытым вдумчивым взглядом голубоватых глаз. Ходил он ровным, уверенным шагом, был всегда внутренне собран. В этом человеке чувствовалась незаурядная внутренняя сила, мужество. Он вникал во все вопросы, возникающие у рабочих, обсуждал их вместе с ними, давал всегда дельные советы и как-то мы сразу почувствовали в его лице своего вожака.

Мизин Роман Дмитриевич (р. 1895) — рабочий, член КПСС с 1916 г. Участник гражданской войны. После гражданской войны был на партийной, советской и административной работе. В настоящее время — персональный пенсионер.

Наш кузнечный цех был плохо приспособлен для работы, особенно в зимних условиях. В окна с выбитыми стеклами и большие щели в дверях дул ветер. Вентиляции не было. Рукавиц и мыла нам не выдавали. Кузнецы, особенно работавшие на сварочных работах, часто обжигали свои руки.

Администрация завода затягивала разрешение вопроса о расценках на кузнечные, слесарные и лудильные работы, что приводило к конфликту с мастерами и управляющим заводом.

Не было амбулатории и столовой, вследствие чего медпомощь на месте не получали, а еду приносили из дому, закусывали тут же, у своих горнов. В обеденный перерыв рабочие разговаривали между собой на волнующие их темы. Во время этих бесед Висксин умело ставил перед ними разные вопросы на местные и другие злободневные темы.

Однажды перед концом рабочего дня Висксин завел со мной разговор о положении рабочих нашего завода. В конце беседы он предложил написать требование от имени рабочих управляющему заводом. Такое предложение для меня было неожиданным, да и грамотность у меня была небольшая — всего три класса сельской приходской школы. Я ответил ему, что навряд ли смогу это сделать.

Он посмотрел на меня и сказал: «Ничего, попробуй напиши, а принесешь написанное, тогда вместе посмотрим, как оно получится» и добавил, чтобы я об этом никому не говорил. Этот разговор был в конце 1915 г. или в начале 1916 г. — точно не помню.

На другой день утром я принес написанные мной требования и показал Висксину. В них были такие пункты: об устройстве вентиляции, о введении правильных расценок на кузнечные, слесарные, лудильные и другие работы, о недопущении со стороны мастеров грубого обращения с рабочими, о выдаче рабочим рукавиц и мыла, о сокращении рабочего дня на два часа в субботные и предпраздничные дни, об организации заводской столовой, амбулатории и другие. Висксин, ознакомившись с написанным, остался доволен. Теперь нужно было познакомиться с этими требованиями надежных и активных рабочих завода и предупредить их о том, что как появится управляющий заводом, — подойти к нему и вручить требования.

Помнится, что в делегацию входили от кузнецов: С. Викснин, В. Степанов, А. Шапошников и я; от слесарей: А. Григорьев, Ф. Шепелев, И. Шубин и Львов.

Вел переговоры с управляющим главным образом Викснин, а остальные во всем поддерживали его. Управляющий заводом обещал о наших требованиях переговорить с заведующим механическим отделом военно-промышленного комитета инженером Н. М. Скуляри, который был одновременно также и заместителем председателя военно-промышленного комитета. Ответа от него мы долго не получали, и, очевидно, наши требования остались бы неудовлетворенными, если бы не заметка Викснина, опубликованная в одной из газет. В ней он писал о тяжелом положении рабочих на нашем заводе и о возмутительном отношении к рабочим управляющего.

Заметка Викснина явно пришлась не по вкусу управляющему. Однако вскоре он вынужден был удовлетворить почти все наши требования, в том числе и о сокращении рабочего дня на два часа в субботние и предпраздничные дни.

Эта победа воодушевила рабочих и еще больше сплотила их вокруг небольшой группы большевиков, возглавляемой Виксним, который входил в состав Самарского комитета РСДРП (б).

Вместе с тем эта победа помогла нашей заводской группе РСДРП (б) провести среди рабочих завода разъяснительную работу во время выборов выборщиков от рабочих в военно-промышленный комитет и выборов уполномоченных в больничную кассу городских предприятий, а также агитации за открытие своего заводского продовольственного магазина.

Кампанию выборов выборщиков в военно-промышленный комитет самарские большевики использовали для разъяснения рабочим империалистической сущности войны, для разоблачения политики царского правительства, т. е. для агитации против царского строя. Общая линия большевиков была такая: активно участвуя в предварительных собраниях по выдвижению выборщиков (выборы были двухстепенные), на последней стадии, т. е. на собрании самих выборщиков, огласить декларацию об отказе от участия в военно-промышленном комитете и демонстративно покинуть собрание.

Царское правительство поддерживало военно-промыш-

ленные комитеты, созданные русской империалистической буржуазией, поскольку они обслуживали нужды армии, но, с другой стороны, оно видело в них угрозу революционного пробуждения рабочих, так как при военно-промышленных комитетах предусматривалось создание «рабочих групп» путем выбора представителей от рабочих.

На время обсуждения и выдвижения кандидатов в выборщики от рабочих правительство вынуждено было разрешить проведение собраний. Однако на каждом таком собрании обязательно присутствовал полицейский офицер, который не допускал выступлений с критикой действий правительства и по малейшему поводу лишал слова ораторов от рабочих. Но и при подобной «свободе слова» большевики смело выступали с противоправительственными речами и с разъяснением насущных задач рабочего класса.

На нашем заводе собрание рабочих состоялось в конце января 1916 г. Председательствовал С. О. Виксинин. Представитель полиции несколько раз прерывал выступающих рабочих. Но несмотря на это, рабочие правильно поняли роль военно-промышленных комитетов как учреждений, способствующих ведению истребительной войны, что задача рабочих состоит в том, чтобы объединить свои силы для скорейшего окончания разрушительной империалистической войны и для решительной борьбы за коренное демократическое переустройство страны.

Большое значение для сплочения рабочих-металлистов и всех рабочих г. Самары имела кампания по выборам уполномоченных в больничную кассу городских предприятий. Нельзя забывать о том, что в то время в больничных кассах главенствующую роль играли владельцы предприятий и их доверенные лица.

Больничные кассы, руководимые предпринимателями, не могли обеспечить рабочим хорошую лечебную помощь и выдачу соответствующего пособия. Мелкие больничные кассы влачили жалкое существование и не способствовали объединению рабочих. Это было на руку капиталистам и во вред рабочим. По существующему тогда закону предприниматели обеспечивали рабочих лишь амбулаторной помощью, но и она была организована плохо. Достаточно сказать, что амбулатория самарских предпринимателей Афанасьева, Ройтмана и других

помещалась во Владимировском овраге, по которому направлялись в р. Волгу нечистоты из бывшей земской больницы.

Наиболее сознательные рабочие все настойчивее поднимали вопрос о создании больничной кассы городских предприятий и передаче лечебного дела в ее ведение.

В конце марта или в начале апреля 1916 г. на выборном собрании рабочих нашего завода были избраны два или три человека уполномоченных в больничную кассу городских предприятий, в том числе С. О. Висксин и я, а от завода № 3 — большевик С. П. Веселов.

17 апреля 1916 г. состоялось общее собрание уполномоченных, на котором был обсужден вопрос о состоянии лечебного дела и оказании материальной помощи больным рабочим и служащим, участникам больничной кассы, а также избрано правление кассы.

Это собрание состоялось на Садовой улице в помещении больничной кассы. На нем присутствовал представитель полиции — пристав Кульбер и несколько полицейских. Несмотря на неоднократное вмешательство пристава в ведение собрания и давление на выступающих ораторов, собрание прошло довольно оживленно. Выступающие ораторы большевики С. О. Висксин, К. Ф. Левитин, Н. Ф. Панов и другие резко критиковали предпринимателей и их доверенных лиц за плохую постановку работы в больничных кассах и за бездушное отношение к рабочим, указывали на недостатки закона о социальном страховании, не обеспечивающем рабочих при старости, инвалидности и безработице.

В правление больничной кассы городских предприятий вошли от большевиков: С. П. Веселов, С. О. Висксин, С. В. Хорошенина, Р. Д. Мизин; от меньшевиков: Богданов, Поляк, Касариков и Светлов, беспартийная А. М. Ильина и ряд других. Председателем кассы был избран меньшевик Касариков.

Каждый уполномоченный больничной кассы имел право контролировать исполнение заболевшим распоряжений врачебного персонала. По требованию уполномоченного контролера больные должны были предъявлять листки о болезни и медикаменты, полученные для лечения.

Посещение больных на дому давало нам возможность ближе знакомиться с бытом и нуждами рабочих и вести среди них индивидуальную разъяснительную работу.

Мне вспоминается посещение больного рабочего нашего завода Сергея Рытикова. Он отличался резкостью характера, невыдержанным отношением к окружающим его товарищам. Но после нескольких проведенных с ним бесед Рытиков стал более доверчив и внимателен к товарищам. Позднее он участвовал в денежной помощи для наших товарищей — политических заключенных, находившихся в самарской тюрьме, а когда совершилась революция и нам нужно было организовать Красную гвардию, Рытиков одним из первых записался в заводскую дружину Красной гвардии и участвовал в боях на Оренбургском фронте против генерала Дутова.

Я в то время не знал, что Виксинин в г. Самаре был эвакуирован из рижской тюрьмы как активный большевик и бывший редактор рабочей латышской газеты «Циня» и что он является одним из видных работников Самарского подпольного комитета РСДРП(б).

Работая на производстве кузнецом, Виксинин находил время и силы, чтобы активно участвовать в деятельности Самарского городского большевистского комитета, быть организатором, докладчиком и корреспондентом.

Как-то в субботний день перед концом работы Виксинин спросил меня, не хочу ли я поехать завтра на загородное собрание рабочих социал-демократов и не боюсь ли я полиции. Я ответил, что поеду с охотой, а полиции не боюсь. После этого мы вышли с Виксининым с завода на быв. Николаевскую улицу (ныне Чапаевская) и пошли по пути к Панской (ныне Ленинградская) улице. По дороге Виксинина встретил какой-то не знакомый мне человек и стал с ним о чем-то говорить, затем Виксинин подошел ко мне и сказал, что этот товарищ расскажет, что мне надо делать, чтобы я мог участвовать в загородном собрании. Незнакомец по дороге сказал, что завтра около двенадцати часов дня я должен прийти на площадку, находившуюся за железнодорожным депо ст. Самара, имея при себе газету «Волжский день», свернутую так, чтобы слово «день» было на виду. Ко мне подойдет человек и спросит меня: «Который сейчас час?», и после ответа я должен пойти с ним туда, куда он поведет.

В воскресенье, в назначенное время, я пришел на указанное место. В руках у меня была газета «Волжский день», свернутая так, как договорились. На площадке

рабочие играли в «орлянку». Рядом с ними группа молодежи под гармошку пела песни. Минут через десять я заметил, что к деповской площадке ровным шагом шел человек. Подойдя ко мне, он спросил, который час, я ему ответил. Незнакомец назвал себя Митей, а я свою фамилию, после чего мы с Митей пошли к Самарке. Позднее я узнал, что Митя является старостой нашего подпольного большевистского кружка. Его фамилия В. С. Новиков (ныне он живет в г. Орле).

Когда мы пришли на р. Самарку, там уже было 6—7 человек. Переехав на лодках через реку, мы собрались на открытой поляне, примерно в полукилометре от берега. Это было первое загородное собрание подпольного кружка, на котором я присутствовал. На собрании, я помню, были товарищи В. С. Новиков, П. И. Струппе, П. П. Звейнек, И. Г. Шибалков, П. Б. Шибалкова и другие товарищи. Докладчиком по текущему моменту был Струппе. В выступлениях приняли участие все присутствующие. Говорили о характере войны и задачах РСДРП(б) и рабочего класса.

После собрания мы стали расходиться парами и в одиночку. Идя вместе со мной, Новиков преподавал мне первые уроки конспирации и предложил выбрать себе партийную кличку. Я подумал и назвал фамилию одного моего односельчанина, Дубровина, проживавшего тогда в г. Самаре. Новиков заявил, что эта кличка не пойдет, так как она может подвести этого человека. Тогда мы условились, что моя кличка Дубровский. После этого Новиков стал приносить мне домой подпольную большевистскую литературу и вообще занялся моим политическим образованием.

В первой половине августа 1916 г., в один из воскресных дней, в тридцати километрах от г. Самары в дачной местности Красная Глинка состоялась самарская общегородская партийная конференция РСДРП(б). Приглашение на эту конференцию я получил через Новикова примерно за три часа до отхода парохода, на котором мы должны были поехать.

Патрулями, указывавшими путь от пристани к месту сбора, было три человека. Первым из них, которого я знал, был С. О. Вексинин. Он стоял на видном месте — на подъеме дороги, идущей от пристани к дачам и в лес, по которой проходили люди с пристани. Каждый из нас, проходя мимо Вексинина, должен был сказать па-

роль: «Степана Разина видел?». Обменявшись паролями, мы получали указание, куда идти до следующего патруля. Вторым патрулем, стоящим на безлюдной лесной просеке, был П. П. Звейнек. Он направлял нас к третьему, а уж этот, последний — к месту сбора.

Организаторами красноглинской конференции самарских большевиков и наиболее активными участниками ее являлись П. И. Струппе, С. О. Висксин, Я. Я. Бауэр, П. П. Звейнек, Г. Т. Кузьмичев, А. П. Галактионов, А. В. Гавриленко.

Я хорошо помню, что на этой конференции участвовали также многие другие товарищи: В. С. Новиков, И. С. Романов, Н. А. Романова, И. Г. Шибалков, П. Б. Шибалкова, Ф. Т. Ермаков. Всего было до 80 человек.

Конференция состоялась на высокой красноглинской горе, на небольшой поляне, окруженной высоким и густым лесом, откуда р. Волга совершенно не была видна. Все участники были разбиты по своим парткружкам. Старосты кружков разошлись в разные стороны, и к ним быстро подошли прибывшие участники конференции. Таким образом, по числу кружков образовалось столько же групп. Эта проверка дала возможность установить состав участников конференции и выявить пробравшегося на конференцию меньшевика Князева, который после небольшого обсуждения с конференцией был удален.

Один из участников конференции, молодой человек 22—24 лет, среднего роста, черноглазый, в русской белой рубашке, подпоясанной узким ремнем, принес с собой несколько экземпляров объемистого журнала с материалами Циммервальдской и Кинтальской конференций, брошюры по национальному вопросу, о больничных кассах и другую партийную литературу.

На конференции обсуждался вопрос о выпуске нелегальной большевистской газеты, а также проведены выборы нового состава городского комитета РСДРП(б).

При обсуждении вопроса о выпуске нелегальной большевистской газеты на конференции выявились две точки зрения. Подавляющее большинство ее участников считало выпуск газеты несвоевременным, так как появление в Самаре нелегальной большевистской газеты дало бы еще один повод самарской жандармерии для усиления

ния репрессий против большевиков, в то время когда самой неотложной задачей партии было укрепление своих рядов и расширение постоянной и прочной связи с рабочими. После обсуждения конференция отклонила предложение о выпуске нелегальной газеты.

Во время обсуждения второго вопроса о выборах Самарского городского комитета РСДРП(б) некоторые товарищи критиковали прежний городской комитет и Трубочный районный комитет РСДРП(б) за то, что они не сумели поддержать частичную забастовку, возникшую в начале августа 1916 г. на Трубочном заводе в связи с увольнением одного рабочего. Однако после выступления Бауэра и Кузьмичева, работавших тогда на Трубочном заводе, стало ясно, что забастовка возникла стихийно, без всякой подготовки к ней, и при таких условиях администрации и полиции было ее легко подавить. Это повлекло бы только к новым жертвам со стороны наиболее активной части рабочих. Конференция согласилась с этими выводами. На этой конференции был избран новый городской комитет РСДРП(б).

После красноглинской конференции наш партийный кружок несколько раз собирался в моей квартире в доме отца моей жены Василия Дмитриевича Родионова, старого рабочего-железнодорожника. Состав кружка был тот же, который был на собрании за р. Самаркой и в каменистом, т. е. В. С. Новиков, И. Г. Шибалков, П. В. Шибалкова, П. И. Струппе, П. П. Звейнек и еще несколько товарищей, фамилии и партийные клички которых я не помню. Нашим постоянным руководителем-лектором был П. И. Струппе. Для маскировки во время собрания на столе всегда стоял самовар и была кое-какая закуска. За время беседы «гости» незаметно за вечер выпивали два самовара, по поводу чего любил пошутить П. И. Струппе. После его выступления слушатели задавали вопросы и дискутировали о растущей концентрации капитала, об экономических предпосылках в разных странах к социалистическому перевороту, о причинах кризисов и возникновения войн.

Имея связь с городским комитетом и Трубочным районным комитетом РСДРП(б), староста кружка В. С. Новиков неоднократно приводил ко мне на квартиру членов комитета Трубочного подрайона Г. Т. Кузьмичева, А. П. Галактионова, Я. Я. Бауэра, П. Г. Си-

дельникова. Они проводили у меня на квартире ряд заседаний, но в работу этих заседаний я не вникал, так как считал это для себя недозволенным. Но припоминаю, что на них обсуждались вопросы, касающиеся работы на Трубочном заводе. Во время заседаний Трубочного комитета РСДРП(б) Новиков почти всегда стоял патрулем, чтобы предупредить появление полиции или жандармов, а когда ему надо было быть на этих заседаниях, то патрулем он ставил меня.

Однажды Новиков пришел ко мне на квартиру и спросил, не найдется ли у меня хороший и надежный товарищ на железнодорожной станции Самара, с помощью которого там можно было бы организовать партийный большевистский кружок. Я сказал, что на примете есть один хороший человек, который работает телеграфистом на ст. Самара — Василий Фролович Бесов. Новиков поручил мне предварительно переговорить с ним.

Вскоре представился удобный случай, и я переговорил с Бесовым. На мой вопрос, не сможет ли он помочь подобрать группу хороших и надежных товарищей из телеграфистов и других железнодорожных служащих, чтобы организовать политический кружок РСДРП(б), он ответил, что такие люди у него найдутся и что он с ними может поговорить в ближайшие три—пять дней. Мы условились, что как только он договорится со своими товарищами, то скажет об этом мне.

Через несколько дней Бесов сказал, что он подобрал несколько ребят, и мы условились о времени первого собрания на квартире Бесова. Мне предстояло проводить туда Новикова и познакомить его с хозяином квартиры, что я и сделал. Как я узнал позже, первое собрание кружка проводил П. И. Струппе. Так возникла партийная группа на ст. Самара. По сообщению Новикова, в этом кружке железнодорожников состояло шесть человек, в том числе В. Ф. Бесов и А. П. Рязанцев, фамилии остальных товарищей мне неизвестны.

Несмотря на то, что жандармерия, полиция и провокаторы неистово охотились за большевиками, Самарская организация РСДРП(б) расширяла свое влияние среди рабочих и служащих путем создания кружков. Вместе с тем городской комитет предпринимал меры к организации кружков рабочей молодежи. Например, по предложению Вексина осенью 1916 г. мною был орга-

низован подпольный кружок рабочей молодежи из семи человек, собиравшихся в квартире И. П. Борисова на Шихобаловской (Ленинской) улице. На собрании этого кружка присутствовал и Виксинин.

За свою революционную деятельность С. О. Виксинин несколько раз подвергался арестам. Но он был хорошим конспиратором, и жандармам не сразу удалось собрать против него серьезные улики.

Мне хорошо припоминается тот день, когда Виксинин вернулся на наш завод после первого ареста. Мы все были рады его возвращению и быстро окружили его тесным кольцом, как окружают кусочки металла стальной магнитный стержень.

Он рассказал, как жандармы пытались его на чем-нибудь поймать и уличить в крамоле. Но это им не удалось и он вернулся на работу. Вскоре его вызвали в контору завода, где ему было сказано, что он ведет себя недостойно, и из-за него приходится иметь дело с полицией, он подает плохой пример рабочим и от этого страдает производство. А в конце ему дали понять, что если он не учтет этого предупреждения, то ему придется снова встретиться с жандармерией.

Вернувшись из конторы, Виксинин рассказал мне и Калнину о предупреждении администрации. Мы были крайне возмущены угрозой администрации и решили проучить наше заводское начальство, чтобы оно знало, что мы, рабочие, не дадим Виксинина в обиду. Против этого никто не возражал. Я тут же пошел по цехам, чтобы рассказать об этом активным рабочим.

Обойдя цехи и переговорив с рядом товарищей: Тихоновым, Шапошниковым, Жилиным, Григорьевым, Шубиным, Шепелевым и другими, мы договорились немедленно собрать заводское собрание рабочих и потребовать от администрации, чтобы она дала Виксинину спокойно работать и не угрожала ему. Затем я подошел к электромонтеру латышу Шаблинскому, сообщил ему о необходимости проведения экстренного общезаводского собрания и попросил выключить электроток во всех цехах. Шаблинский сразу понял, что от него требуется, тут же подошел к щиту и один за другим выключил рубильники и реостат. Весь завод мгновенно был остановлен. Станки и вентилятор, подающий воздух в кузнечные горны, перестали вращаться. Рабочие цехов стали выходить на заводской двор. Вскоре пришли мастера

Петров, Нестеров, Албукеев, а затем появился инженер Хорош. Все они были в недоумении, чего хотят рабочие. А когда мы объяснили о сделанной Викснину угрозе, они попытались было повысить голос и обвинить Викснина в неправильном освещении его разговора с администрацией. Но собравшиеся во дворе рабочие решительно заявили, что кузнеца Викснина они знают, и он говорить неправду не будет. Видя дружное и решительное требование рабочих, административные лица изменили тон и стали уговаривать рабочих вернуться в цеха и продолжать работу, заверив, что Викснину ничего не угрожает.

Однако прошло немного времени, Виксин был снова арестован и посажен в тюрьму. На этот раз из тюрьмы его не освободили, а сослали в Сибирь.

Наступил 1917-й год. Под напором революционных рабочих и солдат пало наконец ненавистное народом царское самодержавие. Большевики вышли из подполья. Началась работа в легальных условиях.

Вечером 3 марта (по старому стилю) я пришел в правление больничной кассы городских предприятий, членом которого состоял, и узнал там от товарищей, что здесь назначено собрание социал-демократов большевиков. Вскоре сюда начали сходить члены организации¹. Из большевиков, прибывших на это собрание, помню А. Х. Митрофанова, Р. П. Баузе, А. Я. Бакаева, С. В. Хорошенину, С. П. Веселова, А. М. Левина, А. Л. Клеймана, И. Г. Шибалкова.

Сюда же пришли меньшевики: Светлов, Богданов и Касариков. Они заявили, что как социал-демократы хотят присутствовать на нашем собрании. Однако Митрофанов, как самый старший и опытный из всех присутствовавших здесь большевиков, категорически заявил, что большевикам не по пути с меньшевиками и попросил их оставить помещение. Меньшевик Светлов возразил, что сейчас необходимо идейное и организационное единство, но большевики не стали его слушать и твердо потребовали, чтобы они ушли.

После удаления меньшевиков Митрофанов предложил открыть собрание, не ожидая возможного прихода других наших товарищей.

¹ Насколько мне известно, об этом собрании нигде в литературе нет сведений.

Помню, что на этом собрании были заслушаны сообщения о положении дел на предприятиях, о подготовке к предстоящей общегородской манифестации рабочих, служащих, воинских частей гарнизона и всего населения Самары по случаю победы над царизмом, а также о проведении собрания рабочих депо ст. Самара, куда было решено направить трех товарищей.

Манифестация трудящихся г. Самары и гарнизона, состоявшаяся 5 марта 1917 г., прошла с большим подъемом. Все прилежащие к центру улицы были заполнены народом. Над головами демонстрантов развевались многочисленные красные знамена и транспаранты, на которых чаще всего встречались лозунги: «Долой монархию!», «Да здравствует свобода!», «Да здравствует демократическая республика!», «Мир хижинам — война дворцам!», «Пролетарий всех стран, соединяйтесь!»

Самодержавие, ввергшее народ в ненужную ему кровавую бойню, приведшее страну на край гибели, было свергнуто и разбито. Партия большевиков во главе с В. И. Лениным решительно повела трудящихся на борьбу за мир, за коренное государственное и общественное переустройство, мобилизуя силы к свершению Великой Октябрьской социалистической революции.